На правах рукописи

Кометчиков Игорь Вячеславович

Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Вологда 2025

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Научный консультант – **Безнин Михаил Алексеевич,**
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

Официальные оппоненты – **Ильиных Владимир Андреевич,**
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
заведующий сектором
аграрной и демографической истории
ФГБУН «Институт истории
Сибирского отделения РАН»
Кознова Ирина Евгеньевна,
доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора философии культуры
ФГБУН «Институт философии РАН»
Кондрашин Виктор Викторович,
доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
руководитель Центра экономической истории
ФГБУН «Институт российской истории РАН»

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Защита состоится 24 октября 2025 г. в 14.00 на заседании объединенного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 99.0.158.03 (специальность: 5.6.1 – Отечественная история (исторические науки)), созданного на базе ФГБУН Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет», по адресу: 160000, г. Вологда, пр. Победы, д. 37, ауд. 78.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Вологодского государственного университета по адресу: 160000, г. Вологда, ул. Галкинская, д. 1, а также на сайте https://vogu35.ru/nauka/doktorantura-aspirantura-soiskatelstvo-dissovety/dissovet

Автореферат разослан «25» июня 2025 г.

Ученый секретарь диссертационного совета В. А. Саблин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Особенности советского аграрного строя в послевоенные годы, в частности взаимоотношения власти и сельского социума, остаются одной из наиболее актуальных проблем новейшей отечественной истории. Сложилось несколько основных подходов к ее осмыслению: на основе концепции «морально-политического единства», тоталитарной модели, теории индустриализма. Их классические версии постулировали консенсус между властью и обществом по ключевым вопросам. В современной литературе данная проблема анализируется как социально-политический конфликт на почве модернизаторской политики тоталитарного государства и попыток сопротивления ей деревни. Однако такая позиция не в полной мере учитывает многообразие источников, ставших доступными в последние годы (часто давая только вид «сверху», со стороны власти), а также не позволяет более подробно изучить, как именно менялись взаимоотношения власти и сельского социума, отражали ли они этот консенсус, что было за его рамками.

Методологически исследование базируется на парадигме, исходящей из признания антагонистического характера советского строя. Уже Л. Д. Троцкий полагал, что в СССР бюрократия попирает завоевания Октября. Концептуально об этом высказывались Р. Дунаевская, М. Джилас, Т. Клифф, М. С. Восленский и др., хотя каждый из них осмысливал роль «нового класса» по-разному. В России подобные размышления публикуются с начала 1990-х гг. (А. А. Здоров, А. И. Радченко, Е. И. Шоль, А. В. Соловьёв и др.).

Значимыми в рамках этого подхода являются исследования М. А. Безнина и Т. М. Димони, рассматривающих советский строй как государственно-капиталистический. По их мнению, в 1930–1980-х гг. в сельском хозяйстве СССР происходила капитализация, превращение овеществленного труда (капитала) в решающий фактор экономики; утверждение крупных форм товарного производства; замена крестьянской семейной кооперации труда специализацией и др. Капитализация «сверху» обусловила использование механизмов аграрного общества в 1930–1950-е гг. В результате раскрестьянивания и формирования новых социальных страт колхозно-совхозной деревни между ними складывается новая система взаимодействия, пришедшая на смену контактам между крестьянами доколхозной поры. Отношения по поводу власти анализируются как составляющая нового комплекса, включающего также отношения собственности и экономические отношения в целом, отношения по поводу правопорядка, нравственных норм, потребления духовных ценностей[1].

[1] *Безнин М. А., Димони Т. М.*: 1) Аграрный строй России 1930–1980-х годов. М., 2014. С. 26–30, 559 ; 2) Аграрный строй России в 1930–1980-е годы : тезисы научного доклада. Вологда, 2003 ; 3) Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 2. С. 437–453 ; 4) «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10 (2). С. 42–60 ; 5) К вопросу о подходах в изучении основных этапов социально-экономической трансформации Советской России от аграрного к капитализированному обществу // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 13–21 ; 6) Первоначальное накопление капитала в Советской России: приглашение к научной дискуссии // Вопросы истории. 2020. № 7. С. 22–42 ;

Другим важным для настоящего исследования подходом является подход истории повседневности. Еще М. Вебер обосновал понятие рутинизации – приспособления харизматического господства как «могучего исторического носителя коммунизма», «отказывающегося от любого втягивания в будни». Его сутью он считал следование правилам апроприации власти харизматического господина и возможностей получения дохода его последователями, а мотивом – адаптацию «штаба управления» к повседневным условиям хозяйствования. Результатом рутинизации назывался переход к одной из «форм повседневного господства» с более или менее стабильными правилами – патримониальной или бюрократической[2]. О повседневности, существующей только в институтах, а не в качестве обособленной социальной реальности, писали Н. Элиас и Б. Вальденфельс, предостерегавшие от ее превращения в универсальную категорию и рассмотрения отдельно от общества с его структурами власти[3]. Вальденфельс считал повседневность существующей на пересечении процессов «оповседневнивания» и «преодоления повседневности», под которым понималось сталкивание, взаимопроникновение, «сплавление» устоявшихся правил («привычного, упорядоченного, близкого») и новаций («непривычного, находящегося вне обычного порядка, далекого»). Повседневность, по его мысли, выступает своеобразным ферментом, позволяющим зарождаться новому, а ее костенение означает застой[4].

Ключевыми для Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг., на материале которого в настоящей работе изучаются повседневные взаимоотношения власти и сельского социума, по нашему мнению, являлись хозяйственная сфера, сфера политической власти, а также тесно связанные с ними сферы культуры и религиозности. Их рассмотрение сквозь призму, во-первых, повседневности институтов власти; во-вторых, стабилизации этих институтов; в-третьих, с учетом таких черт, как «привычное, упорядоченное, близкое»; в-четвертых, интерсубъективности и утилитарности повседневного опыта людей, – требует обращения к институтам власти, при помощи которых и в которых происходили ее прямые контакты с деревней. В хозяйственной сфере к таковым можно отнести институты, нацеленные на контроль производительных сил, поземельных отношений, сфер труда и финансовых отношений. В сфере политической власти следует изучить ее низовые инсти-

---

7) Коллективная капиталистическая собственность в институциональном устройстве России 1930–1980-х гг. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 4. С. 186–201 ; *Безнин М. А., Димони Т. М., Гулин К. А.* Экономический строй России 1950–1980-х годов. Вологда, 2021. С. 10–15, 44–45.

[2] *Вебер М.* Хозяйство и общество : очерки понимающей социологии : в 4 т. : пер. с нем. / сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина. Т. 1 : Социология. М., 2016. С. 256–265, 281–284, 289–290, 385 ; Т. 4 : Господство. М., 2019. С. 37–46, 58, 68, 178, 180–181, 188–191, 203, 412.

[3] *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности // СОЦИО-ЛОГОС : Социология, антропология, метафизика. Вып. 1 : Общество и сферы смысла : пер. с англ., нем., фр. / сост., общ. ред. и предисл. В. В. Винокурова, А. Ф. Филиппова. М., 1991. С. 40, 42, 46–47 ; *Элиас Н.*: 1) Придворное общество : Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением : Социология и история / пер. с нем. А. П. Кухтенкова, К. А. Левинсона, А. М. Перлова, Е. А. Прудниковой, А. К. Судакова. М., 2002 ; 2) О процессе цивилизации : Социогенетические и психогенетические исследования : в 2 т. Т. 1 : Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада / пер. А. М. Руткевич. М. ; СПб., 2001.

[4] *Вальденфельс Б.* Повседневность как плавильный тигль рациональности. С. 41–42, 46–50.

туты: учреждения районного центра, в которых сосредоточивалась прямая власть над селом, политическую власть колхозно-совхозного руководства как реального распорядителя ресурсов деревни, роль во властвовании над деревней низовых советских органов и первичных парторганизаций. В сфере культуры это институты массовой советской культуры – сельские культпросветучреждения и библиотеки, система лекционной пропаганды, кинофикации и СМИ, в сфере религиозности – так называемая черта легальности – институт контроля религиозности и его производные.

Объект исследования – советский аграрный строй – организация и функционирование сельского хозяйства в 1945 – начале 1960-х гг., **предмет** – повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.

Цель исследования – изучить повседневные взаимоотношения власти и сельского социума как вызов аграрного курса власти и ответ на него сельского социума на материале Центрального Нечерноземья РСФСР 1945 – начала 1960-х гг.

Задачи исследования:

1. Охарактеризовать основные подходы к изучению взаимоотношений власти и деревни Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. в историографии.

2. Выявить и систематизировать источники, отразившие повседневные взаимоотношения власти и сельского социума, разработать методику их исследования.

3. Выявить и описать создание формальных правил, в которых выразился аграрный курс применительно к хозяйственной, политической жизни, сферам культуры и религиозности деревни.

4. Рассмотреть эволюцию, результаты применения формальных правил, в которых выразился аграрный курс власти в указанных сферах.

5. Исследовать масштабы и формы повседневного ответа сельского социума на аграрный курс власти в указанных сферах.

6. Охарактеризовать образ повседневных взаимоотношений власти и сельского социума в указанных сферах в 1945 – начале 1960-х гг.

Территориальные рамки исследования – Центральное Нечерноземье РСФСР (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области)[5] – староосвоенная аграрная территория, самый густонаселенный район РСФСР, для которого были типичными низкое естественное плодородие почв, многоотраслевое сельское хозяйство с преобладанием отраслей растениеводства (выращивание зерновых, картофеля, овощей, льна) и животноводства (преимущественно мясо-молочного), мелкоселенность как

[5] Состав областей Центрального Нечерноземья РСФСР приводится согласно постановлению ЦК КПСС и СМ СССР от 19 сентября 1963 г. «Об уточнении состава экономических районов СССР» (Брянская, Владимирская, Ивановская, Калининская, Калужская, Костромская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области). См.: Справочник партийного работника. Вып. 5 / редкол.: В.Н. Малин и др. М., 1964. С. 161–162.

тип расселения, неразвитость дорожной сети, преобладание в этноконфессиональном составе русских, православие как основа религиозности и традиционной культуры.

Хронологические рамки исследования – 1945 – начало 1960-х гг. По завершении Великой Отечественной войны продолжилась реализация аграрного курса в рамках перемен, стартовавших в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Они характеризовались использованием механизмов аграрного общества (структура производительных сил, соответствующая аграрному обществу, дефицит капиталовложений в сельском хозяйстве, компенсировавшее его управление с опорой на харизму вождей, высокую степень идеологизации общественной жизни, относительно слабую регламентацию норм власти при высоком внеэкономическом принуждении, чрезвычайные властные практики, общинное начало, слаборазвитые институты советской культуры, значительный уровень религиозности).

По мере прогресса капитализации советского сельского хозяйства конца 1950-х – начала 1960-х гг. начинается формирование повседневных взаимоотношений власти и сельского социума на началах бюрократизации. Нарастание индустриального компонента в структуре производительных сил сопровождается сворачиванием наиболее одиозных проявлений внеэкономического принуждения, децентрализацией власти, более плотным охватом деревни сетью первичных парторганизаций, налаживанием формальной стороны функционирования низовых советских органов и других официальных структур, деидеологизацией рутины власти. Мирская традиция решения деревенских проблем заменяется дифференциацией интересов социальных страт в зависимости от их места в укрупненном колхозно-совхозном производстве. Распространяются институты советской культуры, нацеленные на монополизацию легитимного символического насилия, усиливается рецепция деревней ее ценностей, размывается целостность крестьянского мировоззрения на основе религиозной картины мира.

Историография проблемы. Сложилось несколько подходов к исследованию взаимоотношений власти и деревни в 1945 – начале 1960-х гг.

В советской литературе считалось, что вследствие торжества «диктатуры пролетариата» – «власти победившего рабочего класса в переходный период от капитализма к коммунизму» – и посредством ее на основе социалистической индустрии, колхозно-совхозной системы и ликвидации кулачества как класса был обеспечен опережающий рост производства средств производства, уничтожена эксплуатация, стирались различия между «новыми социалистическими классами». Квинтэссенцией «диктатуры пролетариата» объявлялась КПСС, а движущими силами общества – «морально-политическое единство», «советский патриотизм» и «дружба народов СССР». Их следствием был трудовой героизм, рост «коммунистической сознательности», нетерпимость к пережиткам прошлого и т. д. Трактовка характера взаимоотношений власти и общества, власти и деревни как тождества интересов стала основой идеологизированного подхода к их освещению. До середины 1950-х гг. выходили пропагандистские и популярные издания

(К. П. Абросенко, Н. И. Анисимов, С. С. Сергеев, М. А. Краев, А. П. Теряева и др.). С середины 1950-х до середины 1960-х гг. акцент делался на ускорении завершения «строительства социализма» и «развертывании строительства основ коммунистического строя» посредством новаций, инициированных Н. С. Хрущёвым (С. П. Трапезников, П. Александров, Г. М. Окладной, Г.Е. Лапшина, А. С. Пикин, Ю. С. Борисов, М. А. Вылцан, И. Е. Зеленин, Ю. В. Арутюнян и др.). Со второй половины 1960-х до конца 1980-х гг. происходило «комплексное изучение социально-политических проблем развития социализма и перерастания его в коммунизм», «путей и форм сближения условий труда, быта и культурного развития города и деревни», «обобщение опыта укрепления союза рабочего класса и крестьянства» (В. Б. Островский, И. М. Волков, И. Е. Зеленин, М. А. Вылцан, М. Л. Богденко, В. Т. Анисков, В. И. Староверов, Ю. В. Арутюнян, П. А. Игнатовский и др.).

Деревня нечерноземного Центра 1945–1970-х гг., реализация в ней аграрной политики становятся объектом диссертационных исследований (О. М. Вербицкая, В. П. Попов, Н. С. Иванов, Л. Н. Денисова). Закономерность и комплексность перемен в структуре, социальном облике сельского населения, тождество его интересов политике обосновывались результатами социологических, этнографических исследований как свидетельство формирования «социалистического» («советского», «колхозного») образа жизни (Р. М. Горбачёва, Ю. Н. Тарасов, Л. А. Анохина, М. Н. Шмёлева, Б. А. Грушин, И. Т. Левыкин, В. В. Новиков и др.). Такой подход нивелировал сложный характер взаимоотношений власти и общества, представлял их результатом нарастания «морально-политического единства» при доминирующей позиции «верхов», реализовывающих по отношению к деревне «педагогические» амбиции.

В западной литературе с 1950-х гг. канвой исследования проблемы стала так называемая тоталитарная модель (К. Фридрих, З. Бжезинский, Х. Арендт и др.). Тоталитаризм определялся как самовоспроизводящаяся политическая система с «тоталитарным синдромом» – максимальным из возможных контролем государства над обществом посредством террора, пропаганды, опеки над экономикой. Общество изображалось пассивным объектом манипуляций, а политика – определяющей прочие сферы. Некоторая автономия признавалась за семьей, религиозной верой, университетами и «другими центрами технического знания», национально-этническим самосознанием. «Злым гением» тоталитаризма назывался советский крестьянин, так как колхозы не могли показать эффективности «независимой фермерской жизни». К. Фридрих и З. Бжезинский считали тоталитарные режимы автократиями, адаптированными к индустриальному обществу на основе современных технологий в вооружениях, массовой коммуникации и демократии[6]. Эти идеи получили развитие в работах М. Фэйнсода, в «Гарвардском проекте», в рам-

[6] *Friedrich C. J., Brzezinski Z. K.* Totalitarian Dictatorship and Autocracy. 2nd ed. / revised by C. J. Friedrich. New York ; Washington ; London, 1965. P. 22–27, 268, 279–280 ; *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / пер. с англ. И. В. Борисовой, Ю. А. Кимелева, А. Д. Ковалева, Ю. Б. Мишкинене, Л. А. Седова ; послесл. Ю. Н. Давыдова ; под ред. М. С. Ковалёвой, Д. М. Попова. М., 1996.

ках которого было подготовлено одно из первых исследований повседневности сталинского общества[7]. А. Инкелес и Р. Бауэр пришли к выводу о масштабности перемен в сталинском обществе, в частности в деревне, когда «ценности крестьянской семьи» заменялись «индустриальным укладом». В политической сфере признавался «консенсус» власти и населения по поводу самого строя. А. Инкелес и Р. Бауэр исходили из индустриального характера советской экономики и общества, тоталитаризм представлялся формой индустриального рывка СССР [8]. На позициях тоталитарной модели стояли Ф. А. фон Хайек, Л. фон Мизес, Р. Арон, А. Улам, эмигрантская историография (В. С. Мерцалов, М. С. Восленский, А. Г. Авторханов, М. Я. Геллер, А. М. Некрич и др.). Следует отметить политическую ангажированность такого подхода, акцентирование якобы уникальных черт советского режима, относительно узкую источниковую базу и т. д.

Приверженцы институционального подхода анализировали сталинский режим как систему личной власти, основанную не на бюрократических правилах, а на произвольном терроре. Хрущевская эпоха представлялась попыткой вывода этого режима из кризиса, ее основными чертами назывались неопределенность функционирования, дефицит доверия, застой. Хрущёва называли лидером переходного типа, зависимым от окружения. Однако потребность институционализации бюрократических структур перевесила, и Хрущёв был смещен [9].

С рубежа 1960–1970-х гг. формируется «ревизионистское» направление советологии. Предшественники ревизионизма С. Коэн, М. Левин, И. Дойчер и др. отталкивались от конфликтного характера советского общества, стремились исследовать эти конфликты на разных уровнях[10]. «Младшее поколение» ревизионистов (Ш. Фицпатрик, Дж. Гетти, Р. Мэннинг, Л. Виола, Г. Риттершпорн и др.), перенеся акцент на общество и результаты политики, заявляло, что контроль государства был слабее, чем утверждала тоталитарная школа, а власть была вынуждена учитывать импульсы «снизу», которые меняли ее в той же мере, как и она общество.

Другим направлением советологических исследований с конца 1950-х гг. становится теория индустриализма (модернизации) (Р. Арон, Дж. Гэлбрейт, А. Гершенкрон, В. В. Ростоу, Т. Парсонс, Э. Шилз и др.)[11]. С этой точки зрения общество рассматривалось как социум, двигающийся от традиционного состояния (низкая специализация и взаимозависимость орга-

[7] *Fainsod M.* How Russia is ruled : rev. ed. Cambridge (Mass.), 1970 ; Фэйнсод М. Смоленск под властью Советов / пер. с англ. Л. А. Кузьмина ; вступ. ст. и ред. Е. В. Кодина. Смоленск, 1995 ; *Кодин Е. В.* «Гарвардский проект». М., 2003 ; Гарвардский проект: рассекреченные свидетельства о Великой Отечественной войне / сост., общ. ред. и вступ. ст. О. В. Будницкого и Л. Г. Новиковой. М., 2018.

[8] *Inkeles A., Bauer R. A.* The Soviet Citizen : Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, 1959. P. VII–VIII, XI, 380–389, 391–392, 394, 397.

[9] *Gill G.* Khrushchev and Systemic Development // Khrushchev and khrushchevism / ed. by M. Mccauley. London, 1987. P. 30–45.

[10] *Некрасов А. А.* Становление и этапы развития англо-американской советологии : дис. … канд. ист. наук. Ярославль, 2001. С. 124–140.

[11] *Парсонс Т.* Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева ; под ред. М. С. Ковалевой. М., 1998 ; *Ростоу В. В.* Стадии экономического роста : пер. с англ. Нью-Йорк, 1961 ; *Гэлбрейт Дж. К.* Новое индустриальное общество : избранное. М., 2008. С. 25–344.

низаций, аграрная экономика, неразвитость рынка, сословное общество, деспотизм, обычное право, сервильность, непотизм и др.) к индустриальной фазе. Мир делился на прогрессивные демократические страны (прежде всего Запад), преуспевшие благодаря демократическому устройству, и отсталые традиционные. СССР относился к странам, двигающимся к индустриализму. Изменения трактовались как однолинейные, эволюционные, последовательные и необратимые вследствие универсальности капитализма западного образца. Теория модернизации артикулировала задачу стран Запада по приведению отсталых традиционных стран (прежде всего «третьего мира») в современность, однако была признана несостоятельной в этом качестве еще в 1960–1970-е гг.[12] Одна из ее идей – абсолютизация производственно-технического фактора – легла в основу теории конвергенции капитализма и социализма.

К началу 1990-х гг. концепция «морально-политического единства советского общества» стала считаться неактуальной вследствие девальвации коммунистической идеологии. На Западе пошатнулась вера в потенциал тоталитарной модели и советологии вообще, «проспавших» крах СССР. Испытала шок и теория конвергенции, выражением чего стали идеи безальтернативности либерализма.

Поиск путей реформирования России в начале 1990-х гг. обусловил обращение к концепциям, сформировавшимся на Западе до 1991 г. Самой популярной из них стала теория модернизации. Попытки доказать, что советское общество проходило те же стадии, что и страны Запада, обнаружили его выраженную специфику и привели к созданию множества концепций модернизации СССР (А. Г. Вишневский, В. В. Согрин, А. П. Скорик, В. А. Бондарев, Б. Н. Миронов, О. Л. Лейбович, И. В. Побережников и др.). В большинстве из них власть признается инициатором преобразований, которые в основном сводились к заимствованию западных технологий. С начала 1990-х гг. опубликовано много работ по проблемам истории СССР, власти и общества, деревни 1945 – начала 1960-х гг., основным выводом которых стал тезис о модернизации советского строя.

До середины 2000-х гг. в литературе по проблемам аграрной истории СССР послевоенных лет эти идеи высказывались в форме заочного сравнения черт советского строя и таких западных ценностей, как рыночная экономика, парламентаризм, свободы личности, массовая демократия и т. д. (В. А. Ломшин, В. Л. Дрындин, О. Ю. Ельчанинова, Т. Д. Надькин и др.). С начала 2010-х гг. историки стали подходить к оценке перемен в аграрной политике, во взаимоотношениях власти и общества, в повседневности деревни как модернизационных более системно (Е. Н. Бикейкин, О. Р. Хасянов, Д. А. Пинаева, С. А. Филатов, О. В. Шлыкова, Д. А. Сафонов, С. В. Яхновская, Д. А. Субботин и др.).

[12] *Бокарев Ю. П.:* 1) Теория модернизации и экономические реформы в России // Информационно-аналитический бюллетень. 2009. № 7. С. 7–8 ; 2) Теория модернизации и экономическое развитие // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 25–29.

Основой выводов об эволюции советского аграрного строя, сделанных в рамках этой парадигмы, стали исследования социальных изменений в крестьянстве, выяснение динамики и результатов «раскрестьянивания». Под этим углом зрения рассматривалась и проблема взаимоотношений власти и деревни (О. М. Вербицкая, Н. С. Иванов, Е. Б. Никитаева, Л. Н. Денисова, В. П. Попов, С. Г. Масалимов, М. Б. Ямалов, Н. В. Ахмадиева, Л. Н. Мазур, О. В. Горбачёв, А. Г. Галлямова, В. А. Ильиных, В. В. Наухацкий и др.).

Востребованным концептом остается и теория тоталитаризма, на основе которой, однако, даются противоположные оценки. Одни ее сторонники признают тоталитаризм «порождением и формой модернизационных процессов», модернизационную эффективность тоталитарных политических институтов (Д. Е. Комаров, А. Б. Безбородов и др.), а другие выступают против этого (И. В. Павлова, А. В. Бакунин, Ю. А. Левада и др.). Близки тоталитарной модели выводы исследований аграрной политики послевоенных лет (В.А. Шестаков, И. Е. Зеленин, В. Ф. Зима и др.).

Иной взгляд на проблему власти и общества у сторонников теории раздаточной экономики, признающих наличие в СССР в 1930–1980-е гг. «административного рынка» – «третьего цикла раздаточной экономики» – органичной для России хозяйственной системы, которую регулирует институт «сдач-раздач» под управлением государства[13]. Подходу О. Э. Бессоновой близка разрабатываемая С. Г. Кирдиной «теория институциональных матриц». В России и ряде других стран признается наличие «Х-матрицы», для которой характерны доминирование институтов редистрибутивной экономики, унитарное политическое устройство, коммунитарная идеология, для стран Запада – «Y-матрицы» (институты рыночной экономики, федеративное политическое устройство, индивидуалистская идеология). Отечественная история – это поиск «институционального баланса» – «соответствующего времени, возможностям государства и внешним вызовам приемлемого соотношения институциональных форм»[14]. Приложением данного подхода к аграрной истории советского общества являются новейшие работы О. А. Суховой, Е. Н. Бикейкина, В. В. Наухацкого и др.[15]

Наряду с изучением структур власти и их политики, историки стремятся выяснить способы «вживания» людей в советский порядок, что смещает фокус на приспособление к формируемой властью повседневности, которая, однако, понимается по-разному. Так, Л.В. Лебедева подразумевает под ней сферу социокультурной реальности на основе повторяемости смыслов во

[13] *Бессонова О. Э.*: 1) Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999 ; 2) Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997 ; *Кордонский С. Г.*: 1) Ресурсное государство. М., 2007 ; 2) Сословная структура постсоветской России. М., 2008. С. 41–72.

[14] *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Изд. 3-е, перераб., расш. и ил. М., 2014. С. 20–30, 337–344, 423–440.

[15] *Сухова О. А.* Аграрная политика и смена технологических укладов в СССР: проблемы соответствия // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4. С. 9–19 ; СССР: аграрная политика и региональные особенности ее реализации (1922–1991) / отв. ред. О. А. Сухова. Пенза, 2022.

всех сферах бытия[16], В. А. Бердинских – историю приватной жизни[17]. Реконструкция комплекса ментальных установок и «структур повседневности» крестьянского двора реализована в работах социологов и этнографов[18]. Сходного понимания повседневности придерживалась Н. Н. Козлова, изучавшая «советский вариант вхождения в модерн» через «эго-документы» как «игры идентичности» на микроуровне. Е. Ю. Зубкова разделяет историю на «большую», профессиональную, и «малую», обыденную, подразумевая под историей повседневности способ изучения взаимодействия этих историй. Е. Ф. Кринко, И. Г. Тажидинова, Т. П. Хлынина подразумевают под повседневностью «совокупность жизненных укладов, привычных социальных взаимодействий», «поведенческие и речевые практики, стратегии выживания и адаптации людей к менявшимся условиям среды». Л. Б. Лебина видит в ней выраженный в быте «культурный код». И. Б. Орлов называет повседневным то, что «не удивляет»: «быт, среду, культурный фон, языковую лексику». Одна из наиболее продуктивных, на наш взгляд, точек зрения принадлежит И. В. Нарскому, который трактует историю повседневности как подход и грань социальной истории, что требует изучения и социальных структур, и их восприятия современниками[19].

В зарубежной историографии осмысление советской повседневности предпринимается на основе подходов советологии. Несмотря на критическое отношение к тоталитарной модели, взгляд на тоталитаризм как на теорию правления, а не теорию общества[20], авторитетные западные авторы применяют этот концепт для осмысления сталинизма. Так, М. Эделе образно определяет его как «"хромого бегемота", не способного управлять сложными социальными изменениями» из-за заведомой нереалистичности этого. Главным фактором советского строя он считает «экономику одолжений»[21]. П. Грегори полагает, что основы командно-административной системы, сформировавшиеся при Сталине, оставались неизменными до конца советского строя и обусловили ее крах[22]. По-прежнему в ходу и теория модернизации (А. Хейл-Доррелл, К. Леонард)[23].

Ключевой проблемой для ревизионистской историографии стало изучение идентичностей разных слоев общества – ключа к пониманию их взаи-

---

[16] *Лебедева Л. В.* Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е годы: традиции и перемены. М., 2009. С. 3.

[17] *Бердинских В. А.*: 1) Речи немых : Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М., 2011. С. 6–7 ; 2) Русская деревня: быт и нравы. М., 2013.

[18] *Виноградский В. Г.*: 1) «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009 ; 2) Протоколы колхозной эпохи. Саратов, 2012 ; 3) «Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности. М., 2017 ; Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2009 ; *Нахимовский А. Д.* Устная история снизу : Материалы к устной истории русских крестьян в XX веке // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 91–125.

[19] *Нарский И. В.* Жизнь в катастрофе : Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 12–21.

[20] Totalitarian Dictatorship : New Histories / ed. by D. Baratieri, M. Edele and G. Finaldi. New York, 2014. P. 6, 8.

[21] *Edele M.* Stalinist Society 1928–1953. New York, 2011. P. 5, 98–99, 119, 194–195, 200, 203, 209.

[22] *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма : пер. с англ. М., 2006. С. 338–343.

[23] *Hale-Dorrell A.* Corn Crusade : Khrushchev's Farming Revolution in the Post-Stalin Soviet Union. New York, 2009. P. 3–6, 8, 9, 231, 233 ; *Leonard C. S.* Agrarian Reform in Russia : The Road from Serfdom. New York, 2010. P. 4, 260, 265, 267, 270–271.

моотношений с властью и специфики советского строя. С. Коткин в работе о Магнитогорском металлургическом комбинате заключил, что тот был не просто «рычагом в борьбе за социализм», а «политической ареной, на которой разыгрывались отношения власти, получался новый опыт, формировалась новая идентичность». Коткин концентрирует внимание на «правилах игры» – «тактиках среды обитания, с помощью которых жизнь в Магнитогорске обретала смысл», что, по его мнению, содержит ключ к разгадке того, «как жил социализм»[24]. С. Харрис стремится показать, как результатом хрущевской кампании по строительству доступного жилья стало формирование новых «линий коммуникации», позволивших власти обрести дополнительную легитимность и динамизм, а людям – их «долю в социализме»[25]. Подобный подход реализован в исследованиях праздников и обрядов, атеизма, политических кампаний, кадровой политики, школьного образования, социальной поддержки, женской прозы и т. д. (Ш. Фицпатрик, В. Смолкин, Т. Джонстон, Дж. М. Истер, М. Рольф, Б. М. Саткліф, Л. Х. Сигельбаум и др.).

Таким образом, в современной отечественной литературе о взаимоотношениях власти и общества, власти и деревни 1945 – начала 1960-х гг. доминирует подход, реализованный в вариантах теории модернизации с концептами тоталитаризма или «морально-политического единства». Зарубежные исследователи в большей степени продвинулись в синтезировании «жестких» концептов тоталитаризма и модернизации и «мягких» подходов истории повседневности, микроистории. Но наиболее удачные попытки такого синтеза, как представляется, пока все же не выходят за рамки изучения казусов, реконструкции отдельных поведенческих практик. Без убедительного ответа остаются многие ключевые вопросы, в частности: о значимости административного и идеологического диктата и обеспечивающих его структур, постоянной борьбы власти с инакомыслием и религиозностью деревни, о причинах изменений адаптации деревни к политике и власти, подчас негативном или безразличном отношении к инициативам «сверху», относительно малом количестве открытых выступлений против порядка и др., а главное – о механизме формирования перемен в повседневных взаимоотношениях власти и сельского социума. Все это обусловливает актуальность их изучения на материале Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.

Источниками для изучения заявленной проблемы выступили законодательные материалы; выступления, доклады, сочинения лидеров партии и государства; периодическая печать; делопроизводство; источники личного происхождения (письма и обращения населения к вождям, в органы власти, СМИ, мемуары сельских жителей и представителей власти); материалы этнографических и историко-социологических обследований. Все это позволяет сформировать в целом репрезентативную источниковую базу. Большинство задействованных в диссертации источников из более девяноста фондов пяти федеральных архивов (ГАРФ, РГАСПИ, РГАЛИ, РГАНИ, РГАЭ), архивов

[24] *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley, 1995. P. 154, 198–201, 356.

[25] *Harris S. E.* Communism on Tomorrow Street : Mass Housing and Everyday Life after Stalin. Washington, D. C. ; Baltimore, 2012. P. 304–307.

Брянской, Владимирской, Калужской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской областей, а также Центрального государственного архива г. Москвы вводятся в научный оборот впервые.

Достижение цели и задач исследования потребовало выработки адекватной **методики обработки источников**. Главы основной части диссертации содержат по четыре параграфа, каждый из которых посвящен одному институту власти и преодолению деревней формируемого им контроля. Материал в нем показывает ответы на вопросы, составляющие основные точки зрения на взаимоотношения института власти и сельского социума, о котором идет речь: во-первых, описания формальных правил, отразивших совершенствование контроля за деревней (взгляд «сверху» – позиция центральной власти); во-вторых, эволюции применения формальных правил (взгляд «сверху» и, отчасти, «снизу» и «изнутри» – с точки зрения непосредственно управлявших деревней и подвластных); в-третьих, масштаба и форм преодоления сельским социумом контроля конкретного института власти (взгляд «снизу» и «изнутри» – представителей разных страт деревни).

Такой подход к организации материала обусловил следующую методику обработки источников. Для выявления и характеристики формальных правил функционирования институтов власти были изучены законодательные материалы общегосударственного уровня, отраслевые нормативные акты, заявления руководителей государства, на основе которых составлены своды норм по каждому изучаемому институту. Эволюция применения формальных правил изучалась на основе нормотворчества, делопроизводства, статистики региональной и районной власти, ходатайств в вышестоящие структуры местного руководства, его мемуаров, материалов периодической печати, а также делопроизводства и статистики центра. Масштаб и формы преодоления контроля власти (взгляд «снизу» и «изнутри») анализировались посредством выявления спектра типичных реакций представителей основных страт деревни по письмам в структуры власти, СМИ, сводкам о настроениях, материалам этнографических и социологических обследований, статистике и делопроизводству. Контекстом для интерпретации смысла поведения сельского населения (его места в «культурном коде» деревни) выступали примеры применения формальных правил, а также (в меньшей степени) своды рутинных правил власти в той или иной сфере. Сравнение глубины и динамики контроля власти над сельским социумом, путей, степени его преодоления между изучаемыми сферами позволило сделать обобщения об эволюции их повседневных взаимоотношений.

Обозначенный подход реализуется в общеисторических и специальных методах исследования. Историко-генетический метод позволил установить причинно-следственные связи в процессах «оповседневнивания» власти и его преодоления, описать и охарактеризовать изменения аграрного курса. Историко-сравнительный метод применялся при изучении динамики контроля власти в разных сферах жизни деревни, разных институтов внутри сфер. Историко-типологический метод позволил выявить изменения образа повседневных взаимоотношений власти и сельского социума. Историко-

системный метод обеспечил возможность классификации институтов власти, комплексный взгляд на происходившие в них перемены. Статистические методы позволили систематизировать материал, рассчитывать и группировать показатели, вычислять средние и относительные величины, строить динамические ряды.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые в отечественной историографии на материалах села Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. ставится проблема повседневных взаимоотношений власти и сельского социума применительно к основным сферам жизни деревни: хозяйственной, политической, культурной и религиозной, что позволяет взглянуть на их динамику, характер и особенности «сверху», «снизу» и «изнутри». Новым является изучение указанных сюжетов на низовом (районном и сельском) уровне. Это позволило осветить ряд недостаточно или вовсе не исследованных сторон: влияние контроля власти на развитие производительных сил деревни, эволюцию поведения представителей социальных страт села применительно к сфере поземельных отношений, труда, финансовых отношений как реакцию на процессы совершенствования контроля власти, оценить состояние и реформы районного звена управления в 1950-е – начале 1960-х гг. как часть этого процесса, их восприятие деревней, объяснить высокую актуальность идеологизации, чрезвычайщины власти, причины их сворачивания в управлении сельским социумом с рубежа 1950–1960-х гг., динамику доступности основных форм советской культуры, их роль и значение в контроле над деревней, взаимовлияние официального и традиционного пластов культуры села, контроль религиозности посредством черты легальности. В изученных сферах был установлен характер эволюции повседневных взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья на началах бюрократизации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Важной составляющей аграрного курса в деревне Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. стало приспособление институтов власти к функционированию в условиях мирного времени.

2. Сопоставление прогресса институтов власти между изученными сферами повседневных взаимоотношений власти и сельского социума показало, что наиболее «оповседневненными» были политическая жизнь, сферы культуры и религиозности, а наименее – хозяйственная.

3. Развитие институтов власти в изученных сферах было обратно пропорционально успешности преодоления их контроля сельским социумом. Наибольшее преодоление отмечается в наименее «оповседневненной» властью хозяйственной жизни деревни.

4. Следствием неравномерности контроля институтов власти на селе стал переток энергии сельского социума в наименее регламентированную хозяйственную сферу на грани и за пределами сельского хозяйства, редукция былого многообразия взаимодействий деревни с властью к контактам в рамках рутины официальных институтов, снижение уровня доверия людей вла-

сти, рост социальной апатии, ускорение миграции в города и кризиса культуры деревни.

5. Главным направлением преодоления контроля власти в хозяйственной сфере стала адаптация к нему сельского социума в форме легального и нелегального использования ресурсов колхозов и госхозов (социального иммунитета), вынуждавшая власть корректировать аграрную политику, из-за чего часть социального иммунитета периодически устаревала, хотя сам он неизменно демонстрировал по отношению к аграрному курсу активный «наступательный» потенциал.

6. Противостояние социальному иммунитету отвлекало власть на поддержание в деревне хотя бы элементарного порядка (как она его понимала), понижало эффективность утверждения в аграрном строе государственного капитализма, было одной из главных причин неспособности решить копившиеся проблемы села.

7. Больший контроль власти в политической, чем хозяйственной, сфере обусловил сравнительно небольшое распространение протеста деревни, делал его бесперспективным и опасным для протестующих.

8. По мере капитализации сельского хозяйства с конца 1950-х гг. значение политической сферы в повседневных взаимоотношениях власти и сельского социума понижается. Основанный на чрезвычайщине сталинский порядок заменяется «регулярным» контролем управленцев-специалистов, которых деревня воспринимает как собственников хозяйственных ресурсов.

9. Главным направлением аграрной политики в сфере культуры стало наращивание доступности и отладка форм воздействия на деревню ее наиболее продвинутых институтов – прежде всего СМИ и кино, а результатом – вытеснение деревенских традиций потреблением советской культуры. Элементы и приверженцы традиционной культуры деревни маргинализуются.

10. Ведущим рычагом контроля религиозности выступала черта легальности, посредством которой религиозная традиция деревни делилась на легальную и нелегальную. Вместилищем легальной становится религиозность легализованных конфессий, а нелегальной – запрещенных, а также вытесненная за рамки легальности легализованных.

11. Результатом приспособления сельского социума к такой системе контроля религиозности стала локализация религиозных общин, обрядоверие, профанация обрядности, уход в подполье, что приводит к угасанию ее неканоничных форм, нивелированию былого многообразия. К началу 1960-х гг. некогда цельная духовная культура деревни окончательно деформируется, заменяется массовой культурой, контролируемой бюрократией.

12. «Сплавление» повседневности власти и ее преодоления сельским социумом создало образ их взаимоотношений, в котором к началу 1960-х гг. «разжижение» повседневности в хозяйственной сфере сосуществовало с «застоем» в прочих, где контроль власти достиг наибольшего прогресса.

Теоретическая значимость исследования заключается в рассмотрении проблемы формирования повседневных отношений власти и сельского социума в Центральном Нечерноземье в 1945 – начале 1960-х гг. как части более

широкой проблемы государственно-капиталистической эволюции советского аграрного строя с акцентом на их низовом уровне, в основных сферах жизни деревни и с учетом региональной специфики.

Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов и их аргументации при преподавании курса новейшей истории России в учебных заведениях высшего и среднего образования, при подготовке спецкурсов, исследований по социальной истории, истории повседневности советского общества и деревни послевоенных лет.

Апробация работы. По теме диссертации опубликованы две монографии (персональная и в соавторстве), сборники очерков по истории Калужского края в XX веке (в соавторстве, авторский вклад – 4 и 3 п. л.), учебное пособие для 9–11 классов общеобразовательных учреждений «История Калужского края» (часть 2) (в соавторстве, авторский вклад – 3 п. л.), 30 статей в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, более 30 научных статей, тезисов и сообщений общим объемом около 90 п. л.

Основные выводы и положения диссертации апробированы в выступлениях на сессиях Симпозиума по аграрной истории стран Восточной Европы (2004, 2006, 2008, 2010, 2014 гг.), научном семинаре «История советской эпохи» Санкт-Петербургского отделения Института истории РАН, методологических семинарах кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета, кафедры отечественной истории Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, на международных, всероссийских и региональных научных конференциях. Исследования по теме диссертации поддерживались грантами РГНФ «Политика реконструкции сельского расселения и судьба западнорусской деревни (конец 1950-х – 1980-е гг.)», «Религиозное движение и религиозность в деревне Центрального Нечерноземья 1945–1953 гг.», грантом РФФИ «Региональное чиновничество в процессе капиталистической трансформации Советского государства (конец 1920-х – 1960-е гг.)». Исследование финансировалось по тематическому плану научно-исследовательской работы ВГПУ (тема «Исследование закономерностей и особенностей аграрной модернизации в России в XX веке», 2005–2010 гг.; тема этапа 2009–2010 гг. «Изучение региональных особенностей аграрной модернизации России в XX веке»).

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня источников и литературы, условных сокращений, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность, методология, научная новизна, определяются объект, предмет, цель и задачи, территориальные и хронологические рамки, основные понятия, дается обзор историографии и источниковой базы диссертации.

В первом параграфе **«Власть и производительные силы деревни»** главы I **«Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в**

хозяйственной сфере» анализируется позиция власти в отношении трудовых ресурсов, а также основных средств производства сельхозпредприятий и подворий населения. В 1945–1965 гг. на селе Центрального Нечерноземья произошло сокращение на 40 % общей численности населения и на 66 % – трудоспособных. Быстро уменьшалась численность молодежи. Эта убыль не компенсировалась ростом технической оснащенности сельхозпроизводства, вследствие чего росла трудовая нагрузка в колхозах, госхозах и на подворьях. Миграция из села ускорялась укрупнением колхозов, сселением неперспективных деревень, последствиями разорения военных лет.

Власть стремилась компенсировать сокращение трудовых ресурсов формированием социальных страт, специализированных на работе с капиталами индустриальных форм – «рабочей аристократии», «интеллектуалов», «менеджеров» и сельской протобуржуазии. К началу 1960-х гг. в Центральном Нечерноземье количество сложной сельхозтехники превзошло численность «рабочей аристократии» при отставании уровня ее квалификации. Росли ряды интеллектуалов в сельском хозяйстве и их квалификация (быстрее и больше – счетных работников, агрономов, зоо- и ветработников, меньше – инженеров), что отражало доминирование среди факторов производства ручного труда и капитала доиндустриальных форм. Численность менеджеров и протобуржуазии сокращалась по мере укрупнения колхозов и совхозов, а их квалификация росла. Наибольший удельный вес среди страт деревни к началу 1960-х гг. имели «занятые на конно-ручных работах» (около 70 %).

Такой социальной структуре деревни соответствовала относительно низкая обеспеченность сельского хозяйства основными видами сложной сельхозтехники, автотранспортом, минеральными удобрениями, электро- и механическими двигателями и другими формами капитала, по которым Центральное Нечерноземье и РСФСР отставали не только от большинства развитых стран Запада, но и многих соцстран Европы. Дефицит капитала индустриальных форм проявлялся в неспособности большинства населения деревни решить многие бытовые проблемы, посягательствах на огосударствленные средства производства. Власть пыталась преодолеть дефицит капиталов на селе инициированием ему шефской помощи со стороны промышленности, а более всего – отладкой системы внеэкономического принуждения.

Второй параграф **«Власть и сельский социум в системе поземельных отношений»** посвящен ключевым институтам, оформлявшим поземельные отношения на основе госсобственности на землю (учету земли и землепользований, бухучету в сельском хозяйстве, паспортной и налоговой системам).

Совершенствование в 1945 – начале 1960-х гг. созданного по итогам коллективизации учета земли и землепользований происходило путем детализации и систематизации документации, налаживания севооборотов, меж- и внутрихозяйственного землеустройства, регулярных проверок землепользования подворий в натуре, расширения прерогатив сельской протобуржуазии в сфере землепользования.

Значительным был прогресс в прикреплении колхозного населения к колхозам посредством паспортной системы: связь паспорта и прописки затрудняла устройство даже на временную работу вне колхоза без справки сельсовета или временного паспорта. Главным направлением все большей регламентации учета материальных ценностей в колхозах и совхозах в изучаемый период стал перевод колхозов на более точную двойную систему бухучета, что в сочетании с постоянной отработкой методик ревизий позволяло плотнее контролировать баланс колхозно-совхозного производства. В отношении хозяйств населения развивалась программа бюджетных обследований.

Система натуральной, отработочной и денежной повинностей деревни разверстывала «тягло» по землям соответствующего статуса и прикрепленному к ней населению, эволюционировала в направлении более точного и полного охвата облагаемой базы. Важным результатом эволюции поземельных отношений стало завершение в целом ко второй половине 1950-х гг. бюрократизации учета земли, землепользований, населения, материальных и финансовых ресурсов колхозов и подворий.

Ответом деревни стали попытки преодоления рутины поземельных отношений в форме явлений социального иммунитета – приспособительного поведения, не посягающего на слом аграрного строя. Более глубокий его пласт восходил к «моральной экономике», проявлялся в попытках уравнительных переделов приусадебного фонда в колхозах, восприятии колхозниками колхозных угодий как достояния «своей» деревни и т. д. Пласт, сформировавшийся в классическую колхозную эпоху, проявлялся в захватах приусадебной земли, фиктивных разделах дворов, переселении на земли иного «тяглого» статуса и т. д. и был направлен на понижение податной нагрузки на подворье. В рамках этого же пласта вырабатывались стратегии поведения, доступные исключительно представителям отдельных страт. Так, сельская протобуржуазия Центрального Нечерноземья за 1950–1965 гг. смогла на 15 % сократить площадь пашни, с которой рассчитывался размер поставок колхозами зерна и отчасти продуктов животноводства, за счет ее перевода в земли других учетных категорий. Она же передавала крупные участки колхозной и совхозной земли в пользование «сильным» людям округи на условиях помощи «своему» хозяйству или в оплату оказанных им лично услуг.

Свидетельством прогресса системы поземельных отношений в капитализированной деревне можно считать сокращение числа дворов, имевших «излишки» приусадебной земли, за 1945–1965 гг. с 25 до 1–4 %, рост числа подворий, отказывавшихся от приусадебной земли вообще, что говорит об обесценивании части социального иммунитета к системе поземельных отношений, его переключении на поиск заработка вне сельского хозяйства и статуса колхозника.

В третьем параграфе **«Власть и сельский социум в сфере трудовых отношений»** анализируются организация и оплата труда в колхозах, совхозах, МТС применительно к представителям страт, занятых в непосредственном производстве, а также в отходе и на подворьях. В колхозах и совхозах основной формой организации и контроля труда стала бригадная система,

эволюционировавшая в направлении вытеснения немеханизированных бригад механизированными (только в 1954–1960 гг. число последних в регионе возросло в 2 раза). Звенья внутри бригад создавались при возделывании культур, требующих много ручного труда, и лишь при достаточной механизации – как специализированные единицы.

Бригадная система оформляла дифференциацию норм выработки и расценок в зависимости от квалификации работника, трудоемкости работы, выполнения плана, выступая одним из главных проводников стратификации колхозно-совхозного населения. Самым консервативным ее элементом в колхозах были нормы и расценки на конно-ручные работы, самым подвижным – на труд представителей средних и высшей страт. Нормирование труда в совхозах было сопоставимо с колхозным, однако труд совхозников и штатного персонала МТС изначально оплачивался деньгами. К середине 1960-х гг. разница по оплате труда между представителями крайних страт в колхозах составляла 2,5–6,5 раз, в совхозах – 3,8 раза.

Разные место и роль в колхозно-совхозном производстве, разница в оплате труда представителей страт деревни обусловили разные стратегии преодоления роста его регламентации. Если у представителей нижних страт было в ходу избегание плохо или вовсе не оплачиваемого труда, уравнительное распределение тягла работ на государство в колхозах, мелкие хищения, позже – требования гарантированной оплаты, то у средних и высших – разгосударствление колхозно-совхозного производства с опорой на располагаемый человеческий капитал.

Падала привлекательность труда на подворье и в отходе, который в деревне долго воспринимался как наиболее выгодный. Но если в начале 1950-х гг. в РСФСР колхозная семья затрачивала на подворье до 23 % бюджета рабочего времени, что давало до 70 % поступлений двора, то к 1960 г. – около 42 % доходов. Меньшей была зависимость от подворья совхозных семей. При этом вклад женского труда в личном хозяйстве был в среднем в 3–4 раза выше, чем мужского, а в отходе вклад мужского – в 2–3 раза выше, чем женского. Начиная с 1960-х гг. хозяйственные функции двора сужаются по сравнению с классической колхозной эпохой. На фоне укрупнения колхозно-совхозного производства, оттока части населения в города подворье окончательно перестает быть хоть в какой-то мере самостоятельной хозяйственной единицей. Структура его хозяйства упрощается, в нем только доделывается полученное из колхоза, от государства. Уходят в прошлое «мужские» и «женские» промыслы, междворовая трудовая кооперация, освященные «моральной экономикой» междворовые отношения по мере того, как породившее все это хозяйство двора становится действительно подсобным. К первой половине 1960-х гг. накопленный в сфере трудовых отношений социальный иммунитет деревни оказывается в значительной мере неактуальным, «переливается» в занятость вне сельского хозяйства.

Четвертый параграф **«Финансовая политика власти и сельский социум»** посвящен анализу перемен в финансовой сфере институтов власти и ответу на них деревни. В эту сферу входили система заготовительных и за-

купочных цен на сельхозпродукцию, на пром- и продтовары для деревни, госзаймы, бюджетная политика государства, такие разовые акции по изъятию средств деревни, как денежная реформа 1947 г., реформа МТС 1958 г. Совершенствовались методики учета денежных доходов, росла сеть инкассации их выручки, что в сумме обеспечивало изъятие значительной части создаваемого в сельском хозяйстве продукта в пользу приоритетных для государства отраслей.

Формами преодоления контроля власти в сфере финансов стали «черные кассы» колхозов – расходование денежной выручки, минуя счета в госбанках и сберкассах, что позволяло финансировать неотложные производственные затраты, вводить явочным порядком гарантированную оплату трудодня. Население уклонялось от уплаты налогов, подписки на займы, занималось выгодными, но подчас запрещенными промыслами, пыталось минимизировать издержки денежных реформ, государственной торговли и торговли на колхозном рынке, требовало увеличения пенсий и пособий от государства и т. п.

Установлением к концу 1950-х гг. плотного контроля над финансами колхозов, запретом многих видов хозяйственной активности вне колхозов и госхозов власти удалось несколько девальвировать способы преодоления контроля в финансовой сфере. К началу 1960-х гг. представители нижних страт уповают на денежные доходы и дотации от государства, а средних и высших – стремятся использовать возможности, связанные с их человеческим капиталом и местом в колхозно-совхозном производстве.

В первом параграфе **«Районное звено управления как уровень политической власти надпроизводственного менеджмента и сельский социум»** главы II **«Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в политической сфере»** рассмотрены состав и функционирование ключевых институтов политической власти надпроизводственного менеджмента, сосредоточенного в местном, прежде всего районном, парт- и госаппарате – ключевом звене прямого политического управления деревней. Территориальным оформлением его власти выступала система административно-территориального деления. На протяжении изучаемого периода количество регионов в Центральном Нечерноземье увеличилось с 8 до 12 за счет разукрупнения, а число районов волнообразно сократилось на 40 % за счет укрупнения, отражая потребность «приближения» повседневного руководства к низовой работе. Высокая подвижность районной сети отражала поиск баланса между административными возможностями власти и размерами подведомственной периферии.

Ведущее значение институтов политической власти в контроле экономики деревни первых послевоенных лет обусловило и высокую актуальность адаптации к этому структуры и штатов аппарата местных парт- и госорганов. В 1940-х гг. она сочетала функциональный и отраслевой принципы построения при наращивании отраслевого. Ведущая роль партаппарата в управлении хозяйственной жизнью обусловила его значительные полномочия, зачастую не оформленные. Региональные парткомы управляли деревней, опираясь на

аппарат РК ВКП(б) и других районных структур, вышедший из войны ослабленным в кадровом и организационном отношении. Чертами его функционирования были централизация власти в бюро, секретариатах и исполкомах, особенно номенклатурного контроля, кампанейщина как метод выполнения заданий центра, громоздкий бумагооборот, текучесть кадров, подмена парторганами советских в управлении экономикой, пренебрежение бюрократическими формальностями и т. п.

Такая манера функционирования компенсировала нехватку ресурсов, позволяла справляться с планами. Яркой формой чрезвычайщины стал институт уполномоченных парт- и госорганов – мобилизации партактива для проведения хозяйственно-политических кампаний. Административные реформы районного звена 1953, 1957, 1962 гг. не устраняли главной предпосылки чрезвычайщины – дефицита капиталовложений в сельской экономике, усиливали текучесть кадров.

Стабильность ключевых институтов политической власти местного партаппарата обусловила застой в политической повседневности. Фактором перехода к регулярному бюрократизированному господству стали не административные реформы, а рост капитализации колхозно-совхозного производства, ускорившийся с конца 1950-х гг. Под его влиянием происходило сворачивание чрезвычайщины, децентрализация номенклатурного учета, падение значения внеэкономического принуждения и обеспечивавших его политических структур. Деревня все чаще воспринимает своих руководителей как собственников и работодателей, использующих десталинизацию для освобождения власти от теряющей легитимность чрезвычайщины и замены «регулярным» контролем управленцев-специалистов. Осознание такого результата десталинизации, как представляется, обусловило рост недоверия людей к районной власти, безразличие ко многим ее инициативам.

Второй параграф **«Политическая власть сельской протобуржуазии и деревня»** посвящен эволюции политической власти сельских протобуржуа, их взаимоотношениям с сельским социумом. Хотя в середине 1940-х гг. многие председатели еще не были коммунистами, их должности входили в номенклатуру сельских РК ВКП(б). Не менее значимым было осознание председателями своего места между властью и населением, учет традиций «мира», посредством которых деревня адаптировалась к рутине власти и разрешала внутренние конфликты. Правления «судили» односельчан за преступления, облагали «налогами» отходников, производили переделы усадебного фонда земли, мобилизовывали на выполнение заданий власти. Такие «коллективистские» взаимоотношения председателя и колхозников были основаны на тождестве их социального происхождения и статуса.

Председатель «из своих» был главным героем жалоб на нарушения устава сельхозартели. В то же время рост контроля в политической сфере поощрял такой стиль управления, когда решения единолично принимались председателем. Численность председателей-«администраторов» росла, «коллективистов» – сокращалась. Только по итогам 1950 г., когда количество колхозов в Центральном Нечерноземье уменьшилось в 3 раза, председатели

сменились в 25 % из них. Среди «новичков» было немало бывших районных руководителей. Государство расширяло перечень их льгот и привилегий. По итогам 1953 г. вновь было заменено 26 % председателей.

Мобилизация председателей-«чужаков» укрепила осознание деревней отгороженности от управления делами артели большим размером хозяйств и иерархией «посаженных» сверху руководителей. «Договориться» с ними, т. е. преодолеть рутину власти, становилось все сложнее. К началу 1960-х гг. коллективистский принцип взаимоотношений председателя и колхозников замещается бюрократизированным, на основе субординации. Полностью оторванными от массы тружеников виделись фигуры руководителей совхозов – вчерашних колхозов. Расширение политических прерогатив протобуржуа отражало рост их возможностей по маневрированию ресурсами колхозов и госхозов, став предпосылкой постепенного выхода из-под опеки «надпроизводственного менеджмента».

В третьем параграфе **«Низовые советские органы как инструмент политической власти в деревне»** анализируется соотношение в их деятельности формальной и повседневной сторон, функций органов государственной власти и местного самоуправления, для чего сначала изучаются их организация и функционирование, а затем – попытки преодоления деревней формируемого над ней контроля.

Территориально власть сельсовета оформлялась одноименной единицей административно-территориального деления. Количество сельсоветов в Центральном Нечерноземье за 1945–1964 гг. сократилось на 54 % за счет укрупнения, обусловленного сокращением сельского населения, количества сел и деревень, укрупнением и совхозизацией колхозов.

Структура, правовой статус, функционирование сельсоветов на протяжении изучаемого периода отличались стабильностью и отражали доминирование функций органов государственной власти над функциями сельского самоуправления. Положение о сельском совете от 1 января 1931 г. не определяло процедур реализации его функций. В 1947–1953 гг. для согласования формального статуса сельских советов (как «высших органов советской власти») с практикой их работы составляются несколько проектов нового Положения о сельском совете, укрупнения сельсоветов и создания волостей и волостных советов, исходивших из необходимости передачи части полномочий районных организаций сельским советам. Но все это не получило развития.

Правовой статус сельских советов и практика управления ими со стороны РИКов и РК ВКП(б) в середине 1940-х гг. выхолащивали даже те элементы самоуправления, которые потенциально содержали формы сельсоветской работы. Главным при назначениях на должности в сельсоветах было умение исполнять директивы. Авралы в работе, милитаризация управления вели к забвению формальных процедур и повышали текучесть кадров. Исполкомы сельсоветов были оторваны от остальных депутатов, долгое время почти не отчитывались перед ними.

12 сентября 1957 г. принимается новое Положение о сельском Совете РСФСР, которое содержало мало нового по сравнению с положением 1931 г.

и более поздним законодательством, касавшимся сельских советов. Оно не изменило перекоса в балансе власти на селе в пользу райцентра. К концу 1950-х – началу 1960-х гг. формальная сторона деятельности сельских советов упорядочивается, что рассматривается как важный показатель трансформации «диктатуры пролетариата» в «общенародное государство». Рутина их функционирования, за которой стоял приоритет интересов государства над развитием локальных территорий, законсервировала место сельсоветов в управлении селом и отношение к ним его жителей как к «приводным ремням» районной власти.

Четвертый параграф **«Первичные парторганизации как инструмент политической власти в деревне»** посвящен первичным организациям КПСС как инструменту политической власти над деревней надпроизводственного менеджмента.

Ключевым для функционирования партячеек села был институт персонального учета коммунистов. Он обеспечивал их прикрепление к месту работы и жительства и ставил в полную зависимость от руководства парткомов, которое стремилось расширить сеть, увеличить состав первичных парторганизаций, усилив влияние на экономику села. До начала 1950-х гг. малым был прирост числа коммунистов на селе, значительным – количество исключений. Важной причиной сдерживания приема в партию было низкое усвоение большинством кандидатов официального дискурса. С начала 1950-х гг. темпы прироста региональных парторганизаций ускоряются. При этом увеличение количества коммунистов на селе в 1945–1953 гг. шло в основном благодаря приему работников, учитывавшихся как «служащие».

Важным направлением попыток усилить влияние партячеек стали меры по охвату ими ключевых звеньев колхозно-совхозного производства. Малочисленность сельских коммунистов и преобладание до начала 1950-х гг. мелких колхозов сделали основным видом первичной парторганизации сельскую территориальную. В середине 1947 г. в восьми из десяти областей Центрального Нечерноземья более 80 % сельхозартелей не имели первичных парторганизаций. После укрупнения колхозов 1950 г. они появились в 60–93 % из них, но и тогда часто оставались заложниками системы управления, когда парткомы наращивали свое влияние за счет распространения членства в партии и номенклатурного учета на должности в производственной иерархии, а не налаживания работы первичек.

С 1954 г. охват первичными парторганизациями сельхозпредприятий ускорился за счет увеличения приема в КПСС, сокращения числа исключений, мобилизаций городских коммунистов. К 1961 г. удалось обеспечить полный охват колхозов первичными парторганизациями, которые становятся самым распространенным на селе их видом. С конца 1950-х гг. партячейками полностью охватывались совхозы. Следствием перевода многих сельских коммунистов на учет в колхозные парторганизации стал большой удельный вес нечленов колхоза в их составе, формализм в работе, приспособление внутрипартийных процедур под личные интересы. Такими первички пред-

стают в письмах населения, которое отмечало более высокий статус руководителей колхозно-совхозного производства по сравнению с их секретарями.

Формальная десталинизация внутрипартийной жизни на местах часто приводила к ее застою. О нарастающем кризисе первичек свидетельствовало и увеличение числа коммунистов, не выполнявших партпоручения. Неразрешенным «оттепелью» осталось противоречие между правом и способностью партячейки контролировать администрацию предприятия, при котором она действовала, в результате чего рос разрыв между надпроизводственным менеджментом и протобуржуазией, с одной стороны, и массой рядовых коммунистов – с другой. К началу 1960-х гг. первичные парторганизации, как и прежде, играли роль более или менее налаженного канала мобилизации населения, источника низовых номенклатурных кадров и опоры на селе уполномоченных парткомов.

Первый параграф **«Сельские культпросветучреждения как база советской культуры»** главы III **«Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в сфере культуры»** посвящен функционированию и месту культпросветучреждений среди институтов советской культуры. Выделившись в феврале 1945 г. из системы образования, ведомство «культпросветработы» объединило большинство государственных учреждений культуры, взаимодействовавших с аудиторией на основе живого слова и нацеленных на нивелирование «нездоровых» послепобедных настроений.

К началу 1950-х гг. клубные учреждения имелись в каждом сельсовете большинства областей Центрального Нечерноземья, но их материальная база не соответствовала даже скромным нормативам, так как зависела от колхозов и крестьянских дворов, многие из которых бедствовали. Быстрее, чем сеть клубов, росло число библиотек, в большинстве также находившихся в тяжелых условиях. Недофинансирование ограничивало спектр и количество мероприятий, которые сельский культпросвет мог предложить населению, что оставляло достаточно места для традиционной досуговой культуры, попыток подражания западной музыкальной культуре. Верхушка села старалась не замечать плачевного состояния клубов, принимая участие в азартных играх, кулачных боях, посиделках в частных домах.

В своих письмах деревня обозначала проблему хронического упадка клубов, различий в доступности и разнообразии культурных благ в городе и на селе. Власть видела причину этого в ведомственности, преодолеть которую планировалось расширением внебюджетного финансирования и привлечением общественности. В 1953 – начале 1960-х гг. было разработано несколько реформ сельского культпросвета, не реализованных из-за слабой экономики колхозов. Материальная база клубов оставалась слабой, хотя их численность выросла в среднем до 1,8–2,7 единицы на сельсовет. При общем неудовлетворительном обеспечении инвентарем увеличивалось количество оборудования для трансляции кинофильмов, телепередач и т. д. Это тормозило развитие вербальных форм работы клубов, способствовало ее коммерциализации и вело в итоге к застою.

В передовых колхозах в конце 1950-х – начале 1960-х гг. был заметен прогресс взаимодействия клубов с населением, уход в прошлое традиции его досуговой самоорганизации. Однако жители большинства экономически слабых хозяйств осознавали себя на окраине «культурной жизни». Неразвитость будничного клубного досуга считалась одной из причин распространения карточных игр, пьянства, хулиганства, уличных танцев и частушек. Власть пыталась компенсировать это превращением клубов в эпицентры советской праздничной культуры и обрядности, стремящейся к «тотальному» охвату разных сторон жизни человека, полагалась на прогресс кинофикации и СМИ.

Во втором параграфе **«Живое слово на службе власти: функционирование на селе лекционной пропаганды»** рассматриваются институциональные рамки, функционирование и восприятие на селе лекционной пропаганды. Чтением лекций занимались лекционные бюро, с 1945 г. действовавшие на базе учреждений культуры. Хотя большинство клубных учреждений выполняло планы по лекционной пропаганде, аудитория лекций была малочисленна. В 1947 и 1949 гг. на сельского жителя в областях Центрального Нечерноземья приходилось в среднем от 0,7 до 3,4 посещения клубных лекций, в основном по общественно-политическим вопросам и сельскому хозяйству.

Лекционную пропаганду также вело Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Власть была заинтересована в превращении его в массовую организацию, но в 1947–1953 гг. плотность ячеек Общества на селе была низкой, они действовали параллельно лекционным бюро, пропагандистам парткомов и комсомола.

Логика совершенствования системы лекционной пропаганды, основанной на живом слове, побуждала расширять охват аудитории путем увеличения численности лекторов и улучшения координации их усилий. В результате передачи функции лекционной пропаганды от лекционных бюро Обществу (1957 г.) численность его членов только за 1957 г. выросла на 162 тыс. чел., было создано 22 тыс. сельских групп. К 1957 г., по сравнению с 1953 г., объем пропаганды отделений Общества в сельских районах возрастает в 3–10 раз, в колхозах, МТС и совхозах – в 3–20 раз. Однако, несмотря на прогресс количественных показателей, лекционная пропаганда, как и клубные учреждения, осталась институтом формирования массового сознания деревни «переходного» типа – от живого слова к унифицированным трансляциям.

В третьем параграфе **«Из всех искусств для нас важнейшим является кино»: кинофикация в деревне»** анализируются организация, оснащение и функционирование сельской кинофикации. Важность для государства доходов от кино порождала противоречие между ее «культурно-просветительской» и «фискальной» функциями. Поэтому во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. кино на селе демонстрировалось только в «коммерчески привлекательных» населенных пунктах. Причинами скромного количества киносеансов были малое количество киноустановок, нехватка помещений, транспорта, износ оборудования и кинопленки. В 1948 г. количество киносеансов на 1 сельского жителя составляло в среднем 1–2,6 в год (в Московской области – 5,2), но быстро росло вследствие наращивания коли-

чества киноаппаратуры. Кино пользовалось большой популярностью. Но если власть стремилась соблюсти идеологически «правильный репертуар», то деревня воспринимала кино как развлечение.

Рост количества киносеансов стимулировал изменения организации и финансирования кинопроката, снижение цен на билеты. С 1956 по 1959 г. число киноустановок на селе Центрального Нечерноземья возросло еще на четверть. С середины 1950-х гг. сельский житель стал посещать кино в среднем раз в месяц. Однако были и значительные пространства, не охваченные кинофикацией. С конца 1950-х по 1965 г. происходит еще один скачок доступности кино, обусловленный двукратным увеличением количества киноустановок. В результате из атрибута официальных праздничных мероприятий и досуга жителей крупных населенных пунктов кино становится одним из самых доступных повседневных развлечений. Семикратный рост числа киноустановок за 1948–1965 гг. был не только частью прогресса культуры деревни по городскому образцу, но и свидетельствовал о повышенном спросе на кинозрелища.

В четвертом параграфе **«Не только коллективный пропагандист и агитатор»: функционирование СМИ в деревне»** исследуются организация и функционирование на селе максимально унифицировавших трансляцию советской культуры каналов – периодической печати, радио и телевидения. Главной тенденцией стало стремление власти сохранить над ними идеологический контроль. Так, вторая половина 1940-х – начало 1950-х гг. характеризуются сокращением тиражей районных и областных газет при увеличении тиражей центральных. При этом большая доля тиражей оседала в городах и районных центрах, что обусловило широкое использование газетных витрин. Уровень доступности газет для населения был невысоким. И власть, и деревня были не слишком высокого мнения о качестве местной прессы, особенно районной. В 1955–1957 гг. разовый тираж областных и районных газет областей Центрального Нечерноземья увеличился на 8 %, а центральных – в 2–3 раза. В ходе оптимизации числа и улучшения содержания областных и районных газет их разовый тираж в 1959–1961 гг. увеличился на 3,5 %. Рост тиражей прессы, поступавшей на село, вновь происходил в основном за счет центральных изданий. Конец 1950-х – начало 1960-х гг. становится временем, когда предпринимались попытки повысить статус периодической печати, сделать ее участником десталинизации, в том числе при помощи рабселькоровского движения. Однако оно далеко не всегда поддерживалось в зависевших от районной власти редакциях.

Тиражная политика власти в 1945 – начале 1960-х гг. свидетельствует о приоритете развития центральной прессы и ограничении местной как хронически отстающей от политической конъюнктуры. «Оттепель» закрепила эту сформировавшуюся еще в сталинские годы тенденцию. Газеты были для сельского населения в первую очередь доступным повседневным источником политинформации, хотя наиболее востребованные центральные издания село получало по лимиту.

Сходные тенденции были характерны для развития на селе радио. Радиовещание на основе проводного радио формировалось с 1930-х гг. как система трансляции политинформации и оповещения населения. Радиофикацию вели несколько ведомств, поэтому существовали значительные «мертвые пространства», куда радио не проникало. Однако деревня считала радио «культурной вещью» и, как правило, откликалась на планы радиофикации. Хотя за 1945–1953 гг. количество радиоточек на селе увеличилось в 3,3 раза, радио еще не стало привычным в жилищах сельского населения, охватывая в большинстве регионов 10–18,8 % колхозных дворов.

Неразвитость технической инфраструктуры, отсутствие достаточного количества политически грамотных журналистов обусловили свертывание значительной части редакций районного радиовещания. В 1947 г. в Центральном Нечерноземье их действовало 304, а к началу 1952 г. – 77. Ограничивались объемы местного вещания. Из-за накладок в графике вещания деревня не слушала часть программ центрального радио. Передача внутриколхозной информации допускалась только при ее контроле райкомами КПСС. Кроме советского вещания были доступны и радиостанции из-за рубежа. На 1 января 1953 г. необходимые для их прослушивания приёмники имелись в 15–50 % колхозных дворов.

В 1954 г. было принято решение о сплошной радиофикации сел к 1960 г. Уже в 1956 г. в большинстве областей Центрального Нечерноземья количество радиофицированных колхозных дворов превысило 50 %. В 1954–1955 гг. завершилась радиофикация сельских населенных пунктов и правлений колхозов. К 1960 году не было области, где уровень радиофикации колхозных дворов был бы ниже 70 %. Радио становится распространенным средством трансляции официальной информации и повседневного досуга. Но логика сплошной радиофикации выходила за рамки, которые государство отводило радио, что отразилось в преодолении деревней его «оповседневнивания». С одной стороны, оно считалось «голосом Москвы», а с другой – альтернативным источником информации и средством проведения неформального досуга. Общий объем антисоветского радиовещания в середине 1950-х – начале 1960-х гг. составлял около 50 часов в сутки, принимать которое на селе мог каждый четвертый радиоприёмник.

Первый параграф **«Установление и поддержание рамок религиозности»** главы IV **«Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума в сфере религиозности»** посвящен отладке главного инструмента контроля сферы религиозности – границе легальности – определения законности ее феноменов по критерию лояльности советскому строю, введенной Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях». В изучаемый период граница легальности применялась посредством Совета по делам РПЦ и Совета по делам религиозных культов при СМ СССР, а также легализованных церковных иерархий.

По динамике контроля сферы религиозности период 1945 – начала 1960-х гг. можно разделить на два отрезка. Поворот к религии в 1943 г. стал тактическим ходом руководства СССР вследствие открытия большого числа

храмов на временно оккупированных территориях, желания использовать влияние ряда религиозных организаций во внешней политике, их патриотической позиции в годы войны. Были восстановлены имевшие верующих на селе Центрального Нечерноземья РПЦ МП, несколько старообрядческих церквей, легализованы ВСЕХБ, церковь адвентистов, скорректирован ряд ограничивающих их статус норм, свернута антирелигиозная пропаганда. Однако об изменении курса по отношению к религии и церкви речь не шла. Признаки охлаждения проявились уже в конце 1947 г. и нарастали до конца 1950-х гг. Сужение рамок дозволенного происходило постепенно, без масштабных акций против нелегальной религиозности.

Связанное с провозглашением перехода к непосредственному строительству коммунизма наступление на религию было нацелено на форсированное снижение ее влияния на общество. Повысилось налогообложение церквей и клира, был увеличен выпуск антирелигиозной литературы, расширилась борьба с нелегальной религиозностью, возросла ее координация. Были пересмотрены базовые нормативные акты, регламентировавшие внутреннее устройство и положение легализованных церквей, что упрощало подрыв их материальной базы, сокращение численности верующих.

К началу 1960-х гг. передвижение границы легальности ближе к полному ограничению религиозности сузило разрешенный спектр религиозных практик до права посещать богослужения в зарегистрированных храмах, в экстренных случаях приглашать священника на дом, затруднило возможность входить в состав приходского управления, петь в церковном хоре, ходатайствовать об открытии церкви, что говорило об усилении контроля власти над религиозностью.

Второй параграф **«Формы легальной религиозности сельского социума»** посвящен ходатайствам об открытии храмов и формам религиозности в рамках легальных приходов. До революции решение об открытии церкви зависело от удаленности или малых размеров существующего храма, способности населения построить и содержать церковь и клир, в середине 1940-х гг. – от колебаний власти (особенно областной) между желанием сократить число действующих церквей и опасением спровоцировать отказом в их открытии всплеск религиозности. Для сдерживания ходатайств вводилась многоступенчатая процедура регистрации общины. С конца 1940-х гг. было упрощено снятие храмов с регистрации. Уполномоченные СДРПЦ, СДРК и региональные власти создавали преграды для их функционирования.

Деревня восприняла поворот по отношению к религии как «награду» за жертвы военного времени. Результатом петиционного движения 1946–1948 гг., когда власти регистрировали церкви и молитвенные дома, явилось некоторое увеличение их числа в Центральном Нечерноземье. В конце 1950-х гг. усилия по закрытию легальных церквей активизировались, став частью наступления на религию «по всему фронту». Устав ждать открытия «своего» храма, верующие обращались в ближайшие действующие церкви или в подпольные молельни. Было практически полностью остановлено поступление ходатайств, начато закрытие «угасающих» приходов.

Все это существенно ограничило приходскую жизнь. Сокращалась частота богослужений, углублялось известное еще с дореволюционной поры обыкновение посещать церковные службы в основном в воскресные и праздничные дни. Клир практиковал заочное отпевание, общую исповедь, сокращал продолжительность богослужений. Возникали деревенские промыслы по изготовлению свеч и икон, «ночлежные дома» для прихожан из дальних деревень и т. п.

Если в конце XIX – начале XX в. в деятельности прихода выделялись религиозная, религиозно-праздничная, нравственно-воспитательная, школьно-образовательная, хозяйственная, культурно-адаптационная функции, то в изучаемый период он стал только местом совершения разрешенных обрядов. Религиозность большинства прихожан легальных приходов часто сводилась к исполнению обрядов, приуроченных только к самым торжественным событиям в жизни верующего, редкому посещению богослужений.

В третьем параграфе **«Формы религиозности сельского социума за рамками легальности»** речь идет о контроле над основными формами нелегальной религиозности, главной из которых был подпольный молитвенный дом – центр нелегальной религиозной общины и основная форма преодоления черты легальности. Для посещавших эти молельни мотив противопоставления себя государству и легальной церкви не был обязательным. Однако нелегальность часто вела за рамки богослужебного канона.

Во второй половине 1940-х гг. власти фиксировали многочисленные богослужения священников без регистрации, бывших монахов и монахинь, «самосвятов» (мирян, самочинно совершавших обряды), монашествующих в миру без пострига. Клир РПЦ МП и других легализованных церквей официально называл это нарушением канона.

Подпольный молитвенный дом был не только порождением политики ограничения количества легальных церквей, но и адаптацией церковного канона под повседневные религиозные потребности, о чем свидетельствуют его топография и религиозные практики. Он выделялся территориальной доступностью, дешевизной и широким спектром выполняемых треб, в том числе запрещенных. Его активность зависела от авторитетности подпольного духовного лидера, степени антирелигиозности местной власти.

Неканоничное в религиозных практиках населения тесно переплеталось с каноном и присутствовало в зарегистрированных храмах, чему соответствовала и двойственная позиция легального клира по отношению к подпольным общинам. С одной стороны, их стремились принять в лоно легальной церкви, с другой – легальное духовенство подчас смыкалось с курсом СДРПЦ и СДРК на ограничение пограничных с «народной верой» зон религиозности.

Сокращение числа подпольных молитвенных домов по сравнению с серединой 1940-х гг. свидетельствовало об усилении контроля черты легальности этой части религиозности, обусловленном также упадком общинного начала, уходом из жизни жителей села старшего поколения, помнивших «ма-

лую» традицию, миграцией молодежи, прогрессом официальной культуры, усилением борьбы с любыми проявлениями религиозности.

В четвертом параграфе **«Метаморфозы культа региональных и местных святынь»** исследуются обстоятельства и динамика контроля культа региональных и местных святынь, в основном распространенного среди верующих РПЦ.

Продолжительное время власть не запрещала внехрамовые богослужения, что поставило бы вне закона и значительную часть культа святынь. Ужесточение началось в результате начала общего охлаждения государственно-церковных отношений с 1948–1949 гг. Однако не осведомленные об этом местные власти какое-то время выдавали зарегистрированным священникам разрешения на их проведение.

К началу общесоюзной кампании по ликвидации паломничества к святым местам (1958 г.) сеть почитавшихся сакралий была подорвана катастрофическими для села событиями первой половины XX в. – форсированным сворачиванием религиозности и разрушением структур РПЦ. Малым было количество доступных для почитания мощей святых, икон в домах верующих, ландшафтных сакральных объектов. Почти невозможным было дальнее паломничество. Основной формой культа стало посещение уцелевших сакралий, для борьбы с которым государство использовало традиционно враждебное отношение иерархов РПЦ к тому, что не вписывались в церковный обиход.

Святыни, привлекавшие верующих, можно разделить на «новообретенные» («обновившиеся» иконы, святые источники, «чудесные явления»), зачастую не связанные с местными и общецерковными праздниками, и традиционно чтимые. Культ святынь свидетельствовал о сохранении верующими села способности к моделированию сакрального и демонстрации силы веры в условиях роста числа неверующих и атеизма. Для него были характерны утилитарные мотивы паломничества, редуцированный характер богослужений самозваных священников, деформированные религиозные практики. Форсированное устранение фрагментов былой сети сакралий совпало с сокращением числа зарегистрированных храмов в конце 1950-х – начале 1960-х гг., став частью слома чертой легальности «малой» духовной традиции деревни Центрального Нечерноземья.

В **заключении** подводятся итоги исследования, показавшего, что на протяжении 1945 – начала 1960-х гг. в изученных сферах повседневных взаимоотношений власти и сельского социума Центрального Нечерноземья усиливались начала бюрократизации, институты власти адаптировались к функционированию в условиях мирного времени. Этот процесс характеризовался неравномерностью контроля власти над разными сферами жизни деревни, формированием застойных явлений в большинстве из них, высокой латентной конфликтностью с доминированием приспособительного поведения сельского социума, понижавшего эффективность политики утверждения в аграрном строе государственного капитализма.

Однако для воплощения таких черт «тоталитарного синдрома», как «тотальный террор» и «тотальная пропаганда», у власти долгое время не хватало материальных, кадровых и административных ресурсов. Ее институты на селе середины 1940-х – середины 1950-х гг. функционировали, скорее, как звенья архаичной администрации, нежели тоталитарный бюрократический аппарат. Действительное же «оповседневнивание» контактов власти с сельским населением на основе бюрократизации начинается в конце 1950-х – начале 1960-х гг., став ответом на рост капитализации сельского хозяйства региона.

Капитализация также сопровождалась формированием иерархии новых социальных страт деревни и их повседневных взаимоотношений друг с другом и властью, которые шли на смену «общинным» повседневным взаимодействиям. Вместо «моральной экономики» до- и раннеколхозного периода, ориентированной на одновременное обеспечение потребностей власти и выживания большинства «тяглого» населения, каждая из страт пыталась установить собственный консенсус с рутиной власти, вырабатывала свои стратегии активной адаптации («социальный иммунитет»), избегая при этом жесткой конфронтации. Стратегии нижних страт были нацелены на сохранение базовых характеристик их статуса, высших – на конвертацию статусных преимуществ в различные блага и обеспечение выгодной социальной мобильности, активное «встраивание» в систему государственного капитализма на селе.

При сопоставлении контроля власти над изученными сферами выяснилось, что наиболее «оповседневненными» ею были политическая сфера и сферы культуры и религиозности, наименее – хозяйственная, а степень прогресса этого контроля была обратно пропорциональна активности попыток его преодоления: наибольшее преодоление рутины власти произошло в наименее «оповседневненной» хозяйственной жизни.

«Сплавление» повседневности власти и ее преодоления сельским социумом оформилось в образ их повседневных взаимоотношений, в котором «разжижение» повседневности в хозяйственной сфере сосуществовало с ее «застоем» в политической, сферах культуры и религиозности. Основным генератором новаций становится хозяйственная сфера.

Важнейшими следствиями неравномерности контроля власти над сельским социумом стали переток его энергии в хозяйственную сферу за пределы капитализированного сельского хозяйства, нивелирование былого многообразия повседневного взаимодействия власти и деревни в целом, их редукция к формальным контактам в рамках рутины официальных институтов, снижение уровня доверия людей к власти, выразившиеся в росте социальной апатии, ускорении миграции в города, запустении тысяч сельских населенных пунктов, кризисе их культуры в заключительные десятилетия советской эпохи.

По теме диссертации опубликованы следующие основные работы:

Монографии

1. История крестьянства Западного региона России : 1941 – середина 1980-х годов / О. В. Горбачев, И. В. Кометчиков, В. Я. Филимонов ; под редакцией доктора исторических наук В. Я. Филимонова. – Калуга : КГИРО, 2017. – 632 с.: ил. (авторский вклад 16 п. л.).

2. *Кометчиков, И. В.* Повседневные взаимоотношения власти и деревни Центрального Нечерноземья (1945 – начало 1960-х гг.) / И. В. Кометчиков. – Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2025. – 624 с.: ил. (39 п. л.).

Сборники очерков

3. Калужский край в XX веке / И. Б. Белова [и др.] ; редколлегия: М. А. Казак, В. Я. Филимонов, Д. Э. Миронов. – Калуга : КГИРО, 2014. – 416 с.: ил. (авторский вклад 4 п. л.).

4. Суровые сороковые… : Калужский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / И. В. Кометчиков [и др.] ; редколлегия: В. Я. Филимонов, К. В. Чеченков, Д. Э. Миронов. – Калуга : КГИРО, 2015. – 272 с.: ил. (авторский вклад 3 п. л.).

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных положений диссертации

5. *Кометчиков, И. В.* Традиция якутальства как грань «социального иммунитета» калужской деревни и борьба с ней в 1930-е – начале 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Антропологический форум. – 2014. – № 20. – С. 240–340. (6 п. л.).

6. *Кометчиков, И. В.* Кино в культуре повседневного досуга деревни Центрального Нечерноземья РСФСР середины 1940-х – начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 1 (39). – Ч. 2. – С. 90–96. (1 п. л.).

7. *Кометчиков, И. В.* Выпуск, распространение и доступность газет на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 4 (42). – Ч. 2. – С. 101–107. (0,9 п. л.).

8. *Кометчиков, И. В.* Лекционная пропаганда на селе Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг.: организация и функционирование / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 7 (45). – Ч. 1. – С. 80–87. (1,1 п. л.).

9. *Кометчиков, И. В.* Мобилизации провинциальной бюрократии для работы на селе Центрального Нечерноземья в середине 1950-х – начале 1960-х гг.: замысел и результаты / И. В. Кометчиков // Известия Смоленского государственного университета. – 2014. – № 2 (26). – С. 183–191. (0,5 п. л.).

10. *Кометчиков, И. В.* Будни аппарата сельских РК ВКП(б) и райисполкомов Центрального Нечерноземья в 1945–1953 годах / И. В. Кометчиков // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «История». – Вып. 60. – 2014. – № 12 (341). – С. 66–73. (1 п. л.).

11. *Кометчиков, И. В.* Номенклатура РК КПСС в механизме управления селом Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2014. – № 4 (60). – С. 22–30. (1 п. л.).

12. *Кометчиков, И. В.* Сельские первичные организации КПСС Центрального Нечерноземья середины 1940-х – начала 1960-х гг.: численность, состав, функционирование / И. В. Кометчиков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2014. – № 11 (49). – Ч. 1. – С. 107–114. (1 п. л.).

13. *Кометчиков, И. В.* За пригоршню зернышек : Будни калужской деревни первых послевоенных лет / И. В. Кометчиков // Родина. – 2014. – № 10. – С. 81–84. (0,35 п. л.).

14. *Кометчиков, И. В.* «Дайте нам секретаря, который был бы с народом»: десталинизация партийной власти в сельских районах Центрального Нечерноземья (1953 – начало 1960-х гг.) / И. В. Кометчиков // Новый исторический вестник. – 2014. – № 4 (42). – С. 76–88. (0,8 п. л.).

15. *Кометчиков, И. В.* «Институт уполномоченных» на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х – начале 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2014. – № 4 (27). – С. 125–139. (1,1 п. л.).

16. *Кометчиков, И. В.* Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х – начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4 «История. Регионоведение. Международные отношения». – 2014. – № 6 (30). – С. 20–29. (1 п. л.).

17. *Кометчиков, И. В.* Привилегии номенклатуры Центрального Нечерноземья: попытки модернизации и восприятие населением (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) / И. В. Кометчиков // Известия Смоленского государственного университета. – 2015. – № 2 (30). – С. 242–250. (0,5 п. л.).

18. *Кометчиков, И. В.* «Заветы социализма»: трансформация религиозного праздника на селе Центрального Нечерноземья в середине 1940-х – начале 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – № 2 (33). – С. 238–261. (1,1 п. л.).

19. *Кометчиков, И. В.* Радиофикация села Центрального Нечерноземья: политика и культура повседневного досуга (1953 – начало 1960-х гг.) /

И. В. Кометчиков // Вестник Брянского государственного университета. – 2015. – № 2. – С. 165–168. (0,5 п. л.).

20. *Кометчиков, И. В.* Председатель и колхозники в Центральном Нечерноземье середины 1940-х – начала 1960-х гг.: трансформация взаимоотношений / И. В. Кометчиков // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2015. – № 2. – С. 43–57. (1 п. л.).

21. *Кометчиков, И. В.* Будни и реформы сельсоветов Центрального Нечерноземья 1945 – начала 1960-х гг. / И. В. Кометчиков // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2015. – № 2 (65). – С. 11–16. (0,8 п. л.).

22. *Кометчиков, И. В*. Региональная власть и деревня Центрального Нечерноземья в хлебозаготовительных кампаниях 1945–1953 гг. / И. В. Кометчиков // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета : электронный научный журнал. – 2018. – № 2 (26). – С. 136–154. (0,9 п. л.).

23. *Кометчиков, И. В.* «На то я чекист, чтоб обвести райком партии»: как поссорились первый секретарь райкома и начальник райотделения госбезопасности (Смоленская область, 1945–1946 годы) / И. В. Кометчиков // Новый исторический вестник. – 2019. – № 2 (60). – С. 77–107. (1,9 п. л.).

24. *Кометчиков, И. В.* «Для окончательного разминирования районов, освобожденных от оккупации, ГКО постановляет…»: эволюция подходов власти к разминированию деревни Запада РСФСР (1940-е – середина 1950-х гг.) / И. В. Кометчиков // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. – 2020. – № 1 (53). – С. 71–83. (0,9 п. л.).

25. *Кометчиков, И. В.* Дело первого секретаря Калужского обкома ВКП(б): взгляд на социальный капитал калужского регионального руководства, 1944–1948 гг. / И. В. Кометчиков // Новейшая история России. – 2021. – Т. 11, № 3. – С. 723–737. (1 п. л.).

26. *Кометчиков, И. В.* Тульское рязанское дело: руководство области в борьбе за «большое мясо» 1959–1960 гг. / И. В. Кометчиков // Российская история. – 2022. – № 4. – С. 218–231. (1,3 п. л.).

27. *Кометчиков, И. В.* Чрезвычайные управленческие практики регионального и районного чиновничества на Западе РСФСР (1941–1946 гг.) / И. В. Кометчиков // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2022. – № 1 (74). – С. 42–54. (1 п. л.).

28. *Кометчиков, И. В.* Тульская областная партийная школа – кузница руководящих кадров (1943–1960 гг.) / И. В. Кометчиков // Вестник Костромского государственного университета. – 2022. – Т. 28, № 2. – С. 63–69. (0,7 п. л.).

29. *Кометчиков, И. В.* «Мы едем сеять, а не разминировать»: местная власть и организация сплошного разминирования Калужской области / И. В. Кометчиков // Российская история. – 2023. – № 3. – С. 62–77. (1,0 п. л.).

30. *Кометчиков, И. В.* Потери западнорусской деревни в Великой Отечественной войне: масштабы и последствия / И. В. Кометчиков, Е. А. Занько // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. –Т. 30, № 3. – С. 205–213. (0,9 п. л.).

Тезисы сообщений, статьи в журналах, сборниках статей

31. *Кометчиков, И. В.* «Черные кассы» колхозов в Центральном Нечерноземье и борьба с ними в середине 1940-х – начале 1950-х гг. / И. В. Кометчиков // Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы. 2014 год : Фискальная политика и налогово-повинностные практики в аграрной истории России X–XXI вв. : XXXIV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Москва ; Самара : Самарский университет, 2015. – С. 406–414. (0,5 п. л.).

32. *Кометчиков, И. В.* «Нам надо было оставаться в Германии…»: настроения репатриантов в западнорусской деревне середины 1940-х гг. / И. В. Кометчиков // Studia internationalia : Материалы IV Международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.», Брянск, 1–3 июля 2015 г. / редколлегия: С. И. Михальченко, А. А. Чубур. – Брянск : РИО БГУ, 2015. – С. 306–313. (0,55 п. л.).

33. *Кометчиков, И. В.* «Колхозов все равно не будет, будет установлен американский строй»: как в западнорусской деревне возникли, распространились и угасли слухи о роспуске колхозов (1942–1946 гг.) / И. В. Кометчиков // 1945 год: формирование основ послевоенного мироустройства : сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, г. Киров, 29–30 апреля 2015 г. / под редакцией В. Т. Юнгблюда. – Киров : ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – С. 430–442. (0,66 п. л.).

34. *Кометчиков, И. В.* «Продовольственные затруднения» в западнорусской деревне 1942–1945 гг. (по материалам перлюстрации частной корреспонденции военной цензурой НКГБ СССР) / И. В. Кометчиков // Вторая мировая война: история и историческая память : сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию начала Второй мировой войны / под общей редакцией Ю. В. Родовича. – Тула : ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2019. – С. 94–102. (0,7 п. л.).

35. *Кометчиков, И. В.* Административный ресурс партийных органов в организации разминирования районов бывших боевых действий на Западе РСФСР (1942–1946 гг.) / И. В. Кометчиков // Военная история России : Материалы XV международной военно-исторической конференции, Санкт-Петербург, 18 ноября 2022 г. : сборник научных статей / под редакцией М. А. Королевой, В. А. Носова, С. А. Пищулина. – Санкт-Петербург : СПб ГБУ «Дзержинец», 2022. – С. 317–324. (0,4 п. л.).

36. *Кометчиков, И. В.* Политика технического оснащения колхозно-совхозного производства и ее результаты в Центральном Нечерноземье РСФСР 1945–1965 гг. / И. В. Кометчиков // Государственная власть и крестьянство в XIX – первой четверти XXI века : IX Международная научно-практическая конференция : сборник статей / ответственные редакторы и составители В. В. Кондрашин, А. И. Шевельков. – Москва : Центр экономической истории ИРИ РАН, 2024. – С. 375–382. (0,5 п. л.).

Кометчиков Игорь Вячеславович

Повседневные взаимоотношения власти и сельского социума Центрального Нечерноземья в 1945 – начале 1960-х гг.

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Подписано в печать 16.06.2025.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная
Печать трафаретная.
Усл. печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Зак. № 092.

Отпечатано в типографии «Наша Полиграфия»,
248009, Калуга, Грабцевское шоссе, 126.
☏ (4842) 77-00-75; +7 910 910 50 54